

Научная статья

УДК 81'33

DOI 10.25205/1818-7935-2024-22-4-156-172

Отражение внешне- и внутривосточных интересов Российской Империи в лексике «Записок Императорского Русского географического общества»

Екатерина Александровна Щеглова

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия

e.scheglova@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1778-2021>

Аннотация

В статье характеризуются лексические особенности «Записок Императорского Русского географического общества» в их взаимосвязи с экстралингвистическими факторами. С одной стороны, лексическое употребление в журнале отчасти соответствует складывающейся к середине XIX века традиции описания земель в путевых и географических очерках. С другой стороны, это издание ставит на особое положение его статус официального печатного органа Русского географического общества, деятельность которого полностью соотносилась с интересами внешней и внутренней политики Российской Империи. Для получения достоверных результатов мы разделили тексты на три тематические категории: 1) описание внутренних земель, 2) территорий, соответствующих ближайшим внешнеполитическим интересам, 3) экзотических стран, потенциально интересных для расширения международного влияния в будущем. Анализ показал, что каждой группе текстов соответствуют специфические черты словоупотребления. В первой группе актуальной оказывается терминологическая лексика, позволяющая дать точное научное описание территории, отдельный интерес для авторов публикаций представляют областные слова, становящиеся средством познания собственной национальной идентичности. Эти тексты отражают интерес образованной части общества к народному языку и народному слову, свойственному эпохе. Симптоматично наличие в одной из публикаций своеобразного областного словаря. Во второй группе также можно наблюдать активное употребление научной терминологии, но основу этих текстов составляет бытовая лексика с конкретно-предметным значением, буквально помогающая составить путеводитель для будущих экспедиций, слово становится средством создания детализированного описания маршрута. В третьей группе слово функционирует как инструмент межкультурной коммуникации, словоупотребление в наибольшей степени соответствует традиции путевой литературы, текстообразующий лексический ресурс – экзотизмы, сопровождаемые авторскими пояснениями. Новизна исследования состоит, во-первых, в самом обращении к лингвистическому описанию «Записок Императорского Русского географического общества», во-вторых, в соединении собственно исторического подхода в описании лексики с историко-культурным аспектом, что особенно важно при работе с источниками подобного типа.

Ключевые слова

лексика, «Записки Императорского Русского географического общества», Русское географическое общество, экстралингвистические факторы, внешняя и внутренняя политика, XIX век

Для цитирования

Щеглова Е. А. Отражение внешне- и внутривосточных интересов Российской Империи в лексике «Записок Императорского Русского Географического общества» // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. Т. 22, № 4. С. 156–172. DOI 10.25205/1818-7935-2024-22-4-156-172

© Щеглова Е. А., 2024

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. Т. 22, № 4
Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2024, vol. 22, no. 4

Reflection of the Russian Empire Foreign and Domestic Political Interests in the Vocabulary of “Notes of the Imperial Russian Geographical Society”

Ekaterina A. Shcheglova

St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russian Federation

e.scheglova@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1778-2021>

Abstract

The article outlines lexical peculiarities of “Imperial Russian Geographic Society Notes” in their connection with extralinguistic factors. On the one hand, use of vocabulary in the magazine is in line with the tradition of describing territories in travel and geographical notes of the mid-19th century. On the other hand, this edition has the status of an official print body of the Russian Geographic Society, the activity of which completely met the interests of foreign and domestic policy of the Russian Empire. To get the correct results we divided the texts into three thematic categories: 1) description of domestic territories, 2) territories within the closest foreign interests, 3) exotic countries of potential interest in spreading the international influence in the future. The analysis demonstrates that each group of texts contains specific features of word use. The first group focuses on terminological vocabulary, providing a precise scientific description of territories, of special interest to authors are regional words helping to understand own national identity. These texts reflect the interest of educated society in the people’s language and vernacular words common for the epoch. A unique regional dictionary in one of the publications is quite indicative. The second group also demonstrates an active use of scientific terms, but the foundation of these texts is colloquial vocabulary with concrete meaning, making it possible to build up a tour guide for future expeditions, the word here becomes a means of creating a detailed description of the route. In the third group the word functions as a tool of cross-cultural communication, the word use largely corresponds to the tradition of travel literature; text-forming lexical resource includes exotisms accompanied by author’s comments. The innovation of the research lies firstly in the very address to the linguistic description of “Imperial Russian Geographic Society Notes”, and secondly, in combination of the historical approach to the vocabulary description and a historical and cultural aspect which is especially important for the work with such sources.

Keywords

vocabulary, “Imperial Russian Geographic Society Notes”, Russian Geographic Society, extralinguistic factors, foreign and domestic policy, 19th century

For citation

Shcheglova E. A. Reflection of the Russian Empire Foreign and Domestic Political Interests in the Vocabulary of “Notes of the Imperial Russian Geographical Society”. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2024, vol. 22, no. 4, pp. 156–172. DOI 10.25205/1818-7935-2024-22-4-156-172

1. Введение. «Записки Императорского Русского географического общества»: характеристика издания

XIX век – время становления национального самосознания: окончательно складывается российская государственность, осознается ценность языка, сформированного на национальной основе, приобретают оформленность и определенность русская наука и культура. Осознание границ собственной идентичности невозможно без обращения к дихотомии «своего» и «чужого». Отсюда столь живой интерес читающей публики середины века к описанию путешествий разного типа: литературных и научных, воплощенных в виде романов, путевых заметок, географических очерков, топографических описаний или опубликованных в периодических изданиях официальных донесений [Громова, Балашова (ред.), 2017. С. 251]. Именно путешествия дают необходимую почву для размышления о себе, о мире вокруг и о себе в этом мире. Отсюда совершенно особое отношение к слову, демонстрируемое в путевых описаниях вне зависимости от их типа [Щеглова, 2018].

Следует учитывать также, что XIX век является во многом продолжением эпохи географических открытий, в это время продолжается активное освоение мира. Географические ис-

следования ставят своей целью расширить границы научного знания о землях и населяющих их народах, заменив имеющиеся стереотипные представления достоверными сведениями. Географическая экспедиция – это мероприятие государственной важности, направленное на решение важных не только научных, но и политических задач. Неслучайно в материале «Записок Императорского Русского географического общества» (далее – ЗИРГО), посвященном роли Петра I в приращении географического знания, К. М. Бэр пишет: *Благодарность обязывает Русское Географическое Общество привести на память заслуги Петра Великого по части распространения географических познаний. Идеи, руководившие его при назначении ученых экспедиций, носят на себе печать величия и прозорливости: гениальный взор его провидял плоды их в отдаленной будущности* [ЗИРГО, 1849. Кн. III. С. 217]. Далее автор замечает, что именно первым российским императором были намечены основные пути развития Русского географического общества. Мысли К. М. Бэра о деятельности Петра I в сфере освоения земель, гениальность которого заключалась в осознании сопряженности расширения научного знания в области географии и политических интересов страны, оказываются абсолютно в духе времени.

В этой связи следует указать и на особое положение самих «Записок» среди других научно-популярных журналов. ЗИРГО с самого начала (первый номер вышел в 1846 г.) создавались как официальное периодическое издание Русского географического общества (РГО). Нужно сказать, что РГО не было исключительно научной организацией. Со дня своего основания личным указом Николая I в 1845 г. Общество имело особый государственный статус. РГО входило в структуру Министерства внутренних дел и было призвано решать не только научные, но и государственные задачи (в том числе получение разведывательных данных) [Павлов, 2010]. Неудивительно, что ЗИРГО, публикации которых основывались на материалах экспедиций РГО, как ни одно другое научно-популярное издание отражали на своих страницах движение политических идей Российской Империи.

Таким образом, можно сказать, что ЗИРГО являются уникальным источником для историко-лексикологического исследования периодики XIX в., поскольку интегрируют в себе как специфические черты изданий о путешествиях и географии (напомним, что через 15 лет относительно даты основания ЗИРГО – в 1861 г. – появился журнал «Вокруг света»), так и особенности, связанные с самими условиями существования издания. Совокупность указанных экстралингвистических факторов стала причиной специфичности формирования и употребления лексического состава материалов. Во многом лексика материалов ЗИРГО отражает основные зоны интересов Российской Империи во внешней и внутренней политике. Слово становится средством осознания себя, познания других и проведения границ между тем и другим. Слово национальное («живое», «русское») и слово «чужое» являются сферой непосредственного интереса образованной части общества (ср. с вопросом о пополнении лексики русского языка вследствие межэтнических контактов [Старовойтова, 2017]).

2. Тематика публикаций журнала и особенности лексики

Тематика материалов определялась основными направлениями внутренней и внешней политики России середины XIX в. Можно выделить три основных тематических блока материалов: освоение собственной страны (интерес представляли отдаленные уголки, в особенности Сибирь и Русский Север), внешнеполитические планы ближайшего будущего (освоение Каспия, дипломатические отношения с Китаем и пр.), перспективные направления для расширения зон влияния в будущем (отдаленные регионы, например, Африка, Индия, Персия). Последнее тематическое направление представлено в журнале в меньшей степени, что интересно и показательно, если, например, сравнить с объемом материалов об экзотических странах в журнале «Вокруг света», в котором вне зависимости от редакционной политики, трижды

сменившейся в дореволюционный период существования издания, такие публикации призваны были поддерживать интерес аудитории. ЗИРГО мало заботились об интересах аудитории, твердо следуя собственной задаче – освещать деятельность РГО. Каждый тематический круг материалов имеет свои особенности употребления лексики.

2.1. Лексические особенности описания территории собственной страны: Русский Север

Для России в XIX веке не меньшее значение, чем освоение внешних территорий, имело познание территорий в границах собственной страны. С начала века в Европе активно развивается идея национального государства, к середине столетия и в России становится очевидной необходимость формирования собственной национальной идеологии, определение границ понятия «русскости» (о концепте «русскость» в рамках различных научных направлений: [Корольков, 2010; Ерохина, 2019; Верещагин, Верещагина, 2021]). Последнее менялось на протяжении всего века, в том числе вследствие расширения границ познания о территории собственной страны. Сказалось это и на направлении общественной и научной мысли: русская интеллигенция обратила свой взгляд на русского крестьянина, заселявшего обширные территории Российской Империи. В частности, в материале «Областные выражения русского языка в Архангельской губернии», опубликованном в 1850 г. в книге ЗИРГО и принадлежащем перу известного путешественника по окраинам России А. И. Шренка, сказано: *Ближайшею целью Русскаго Географическаго Общества, как всѣмъ извѣстно, должно быть изученіе нашего обширнаго отечества, изученіе не ограниченное одними мѣстностями, но занимающееся с неменьшею любовью и человеком, их заселяющим, о котором познаніе столько же важно для географіи, как познаніе ниворослей важно для земледельца земледельца* [ЗИРГО, 1850. Кн. IV. С. 121]. В качестве примера подобных материалов мы рассмотрим статьи, посвященные Русскому Северу, который в это время становится своеобразным культурным проектом [Шабаетов Жеребцов, Журавлёв, 2012; Шабаетов, Садохин и др., 2017; Malyshev, 2021].

Авторов ЗИРГО (а следовательно, и само РГО) интересует информация самого разного толка о территориях Российской Империи: экономика и природа, быт и культура, история и язык. Так, о Русском Севере было обнаружено три больших материала, вышедших в разные годы существования журнала: уже упомянутая статья А. И. Шренка об особенностях областного языка Архангельской губернии (1850), исследование климата Н. Я. Данилевского «Климат Вологодской губернии» (1853) и материал Н. Ф. Бутенева «Некоторые соображения о первобытных жителях Северной России по найденным остаткам их быта» (1864). Такой разброс по годам публикаций говорит о неиссякаемом интересе Общества к северным областям Российской Империи. Примерно такая же картина наблюдается и с материалами, описывающими различные аспекты географии других регионов – южных областей и городов, Сибири и др.

Состав лексики во многом определяется самой тематикой материалов – прежде всего это, конечно, специальная лексика терминологического характера, связанная с той или областью знания. Употребление ее связано с ориентацией автора на точность передачи представленных в статьях сведений: *Ежели вмѣсто абсолютных тахіта и мініта температур, возьмем наибольшія и наименьшія среднія суточные температуры мѣсяца, то исключим вліяніе первой причины и вычтя таким образом полученныя мѣсячныя колебанія термометра из полученных по первому способу – будем имѣть разности, выражающіе вліяніе различных высот солнца в теченіе суток и мѣсячныя колебанія температур* [ЗИРГО, 1853. Кн. IX. С. 24]. Такой текст ориентирован в первую очередь на специалиста в своей области, на что указывает использование большого количества терминологической лексики и сочетаний терминологического характера (*суточные температуры, мѣсячныя колебанія термометра, высоты солнца* и др.). Используется международная климатологическая терминология: *тахіта и мініта темпера-*

тур. Напомним, что сразу с появлением издания была налажена его рассылка по крупнейшим европейским научным учреждениям, осуществлялся перевод материалов на европейские языки [Базылева, 2014].

Нейтральная лексика с конкретно-предметным значением, как это свойственно научному тексту, приобретает терминологическое значение. Например, частью описания климатических условий становится характеристика растительности: названия растений общеупотребительны, однако в данном контексте они призваны дать точную справку о флоре конкретной территории, дополняющую исследование климата. Это доказывает наличие латинского эквивалента, принадлежащего международной ботанической терминологии: *В уездах Вологодском, Грязовецком и Никольском попадают в лесах дуб, клен (Acer Platanoides), даже ягель и орешник, в садах растут яблони, впрочем уже дающія хороших плодов, сажаются огурцы и съется яровая пшеница, а в малом количестве даже и гръчиха; – на съвѣре уѣздов Яренскаго и Усть-сыольскаго прекращается посѣв всякаго рода хлѣбов, потому что самый ячмень рѣдкій год дозрѣвает. Даже в съверной части Вѣльскаго уѣзда огурцы не могут быть разводимы* [ЗИРГО, 1853. Кн. IX. С. 1–2].

В статье об археологических находках первобытного периода можно наблюдать несколько иной подход к терминологии. Поскольку точная терминологическая номинация для описываемых автором орудий часто оказывается невозможна, то автор ищет наиболее вероятное название того или иного предмета. Сама номинация в этом случае является научной гипотезой: *С большею въроятностію полагать можно, что это не что иное как головолом или булава; в отверстіе, без сомнѣнія, вставлялась рукоятка, к которой въроятно оно привязывалось, за боковыя возвышенія или цапфы по средством ремней* [ЗИРГО, 1864. Кн. IV. С. 7]. В ряде случаев мы и вовсе имеем дело с предложенной самим автором по тем или иным параметрам номинацией, кажущейся ему наиболее точной и подходящей для каждого конкретного случая: *Далѣе слѣдует поставить орудіе, которое я называл теслом, предполагая, что оно употреблялось для тесанія дерева, что подтверждается ещѣ и тѣм, что в моем собраніи было каменное орудіе, привезенное с Маркизских островов, совершенно той же формы и служившее к той же цѣли у мѣстных жителей* [ЗИРГО, 1864. Кн. IV. С. 9]; *В заключение я должен упомянуть о самом большем из каменных орудій, мною собранных и которыя называл я долбнею, причина чему будет видна ниже* [ЗИРГО, 1864. Кн. IV. С. 10].

Несколько иные особенности имеет материал об областных словах. Поиск собственной национальной идентичности проявил себя в частности в идее собирания отличительных особенностей словарного состава русской народной речи: уже с начала века появляются разнообразные списки областных слов, проводятся заседания Российской Академии, на которых заслушиваются доклады с соответствующей тематикой. В «Истории русской лексикографии» отмечается, что «многие деятели русской культуры не только призывали замечать и записывать народные слова и выражения, но и сами делали такие записи. Публикации диалектных материалов в первой половине XIX века были положительно оценены передовой русской общественностью» [Сороколетов (ред.), 2001. С. 276–277]. Таким образом, можно сказать, что происходит культурный обмен внутри страны. Об этом свидетельствуют и процессы, происходившие в самой лексической системе: простонародные и областные слова все в большей степени признаются необходимым материалом для построения системы русского литературного языка на национальной основе, при этом особенно ценится такое качество данной лексики, как образность [Виноградов, 1982].

Материал А. И. Шренка представляет собой небольшой областной словарь с дефинициями. Словник включает 374 слова, расположенных по смысловому принципу (по тематическим группам: *атмосферные и метеорологические явления, ветер, лёд, море, берега* и пр.), в завершение дан их алфавитный список с указанием номера, под которым лексему можно найти в основном списке. Тематические группы неоднородны и отличаются по количеству слов, в среднем 15–20 лексических единиц. Внутри группы расположение гнездовое, в каждом

гнезде от одного до двух-трёх слов, в отдельных гнёздах – до пяти. В дефинициях содержатся показатели связанности слов внутри гнезда, например:

86. *Польй, – открытый, отверзтый: на-примгър: ргька пола, т. е. не покрыта льдом; двери полья, т. е. отверзтыя.*

87. *Полынья, – открытое мѣсто во льду покрывающем воды; слово употребляемое во многих странах Россіи, между прочим под самым Петербургом, и потому едва-ли областное* [ЗИРГО, 1850. Кн. IV. С. 138].

По приведенному примеру видно, что данный список слов с дефинициями не является в полном смысле словарем. Во-первых, за счет связей теряются границы «словарных статей», перед нами текст, в котором последовательно разворачиваются фрагменты жизни жителей Архангельской губернии. Во-вторых, нет выработанного метаязыка, зато есть множественные следы размышления путешественника (не лингвиста) о культурных смыслах слов, которые он собирает во многом случайным образом. Поясняя слово *польй*, автор приводит иллюстративный пример употребления (*река пола*), а у связанной с ним лексемы *полынья* иллюстраций нет, зато есть размышление о положении ее в системе национального языка (*едва-ли областное*). В некоторых случаях в дефинициях содержится грамматическая справка: 48. *Взводень (во множ. ч. взводни), – высокая, сильная волна; происходит от глагола возводить, взводить* [ЗИРГО, 1850. Кн. IV. С. 134]. Резко различается и объем пояснений: от однословных (107. *Няша, – грязь* [ЗИРГО, 1850. Кн. IV. С. 141]) до обширных и подробных, в некоторых из которых содержится культурологический или этимологический комментарий: 108. *Инька, – женищина не русская; так: самогдская инька, зырянская инька; употреблено в Мезенском уездѣ; взято с зырянскаго инь, означающаго замужняю женищину* [ЗИРГО, 1850. Кн. IV. С. 141].

Подобные списки областных слов также определенно могли служить средством культурного взаимодействия между образованной частью общества и народом, посредником при этом выступал автор материалов.

2.2. Лексические особенности описания территорий – зон непосредственного внешнеполитического интереса Российской Империи

В качестве примеров этого тематического направления публикаций мы возьмем материалы, посвященные Каспию и Китаю. С одной стороны, и Каспий, и Китай – одни из важных зон интереса внешней политики середины XIX века, а с другой стороны, именно поэтому в ЗИРГО представлен большой объем публикаций об этих территориях.

2.2.1. Каспий

Первая половина XIX века в выстраивании отношений России со странами Среднего Востока занимает ключевое место: именно к этому периоду относится выработка плана по установлению гегемонии Российской Империи в этом регионе. Одно из приоритетных направлений внешней политики середины века – это установление господствующего положения империи в юго-восточной части Каспия [Никонов, 2009]. Поскольку с Каспийским морем и его побережьем были связаны ближайшие внешнеполитические задачи России, описание в материалах ЗИРГО часто ориентировано на практическое применение сообщаемых сведений: это информация для будущих экспедиций, например,

– о возможности стоянки судов в том или ином месте побережья: *На южном берегу суда могу приставать вплоть, ибо почти у самого берега имѣется 2 саженья глубины* [ЗИРГО, 1850. Кн. IV. С. 56];

– о наличии пресной воды и ее свойствах: *Прѣсную воду можно добывать во многих мѣстах, вырывая колодцы на аршин глубиною, в 20, 30 и болѣе саженьях от моря; впрочем, слу-*

чается что вмѣсто прѣсной попадаетъ и солоноватая, что зависит от большаго-меньшаго отдаленія колодцев от морскаго берега [ЗИРГО, 1850. Кн. IV. С. 69].

Встречаются и более общие рассуждения о перспективах освоения края: *Вообще весь край этот не представляет никаких выгод, и природа здѣсь мертва и бесплодна* [ЗИРГО, 1850. Кн. IV. С. 86].

Эта ориентация на освоение края в ближайшей перспективе проявляется как в отборе слов, так и в характере их употребления. В частности, интересно наблюдать, какие слова снабжаются авторами толкованиями и пояснениями. Предсказуемо, что большая часть толкуемой лексики представляет собой топонимы с вариативностью названий на языках коренных народов и русском. Часто это дословный перевод местного названия географического объекта, при этом как правило толкование располагается препозитивно местному топониму: *вверх по Чёрной Рѣчкѣ (Кара-Су); Бѣлый Бугор, или Ак-Тепе; култун Красноводскій, или Кызыл-Су* [ЗИРГО, 1850. Кн. IV]. Иногда в качестве толкуемого слова выступает экзотический топоним, а место толкования занимает перевод, не являющийся именем собственным: *Жители называют его Балку («медовым-колодцем»)* [ЗИРГО, 1850. Кн. IV. С. 77]; *пересекают несколько ущельев: Кяри-Гадичи, Каралям-Гадичи (гадичи значит «Ворота») и другія* [ЗИРГО, 1850. Кн. IV. С. 86].

Такое употребление топонимов характерно для путевых описаний XIX века, однако в этом случае их появление в столь большом количестве вызвано установкой на точность географического описания, ориентированного на маршрутизацию будущих экспедиций. Отметим, что номера ЗИРГО часто снабжались картами и схемами, в этом случае топонимы в тексте могли стать средством более эффективной пространственной ориентации для планирования и осуществления будущих экспедиций: текст дополнял и конкретизировал картографическую информацию, карты придавали наглядность и топографическую точность тексту. Соответственно задачей авторов публикаций изначально можно считать употребление как можно большего числа топонимов с как можно более точно и скрупулезно записанными вариантами географических наименований для точной ориентации читателя на местности. Так, например, в уже цитируемой выше Книге IV за 1850 г. Каспию посвящены сразу два текста, принадлежащие И. Ф. Бларамбергу: «Журнал веденный во время Экспедиции для обозрения восточных берегов Каспійскаго-Моря, в 1836 году» и «Топографическое и статистическое описание восточнаго берега Каспійскаго-Моря от Астрабадскаго-Залива до мыса Тюк-Карагана». В общей сложности они занимают объем в 120 страниц. Даже если посчитать только топонимы, снабженные толкованиями с вариантами названий или переводами местных наименований, то их наберется около 60, что уже демонстрирует повышенный интерес автора к этой группе лексики. В остальных материалах ЗИРГО, посвященных Каспию, наблюдается примерно схожая картина.

Характерны краткие (однословные или двухсловные толкования), появляющиеся в тех случаях, когда автор сомневается, что будет правильно понят читателем.: *На этой оконечности Туркмены завели бакчи (огороды) с арбузами и дынями* [ЗИРГО, 1850. Кн. IV. С. 66]; *В этом култукѣ строятся туркменскіе киржимы (плоскодонныя лодки)* [ЗИРГО, 1850. Кн. IV. С. 63]; *в пешкешь (подарок) барана* [ЗИРГО, 1850. Кн. IV. С. 12]. Заметим, что, в отличие от многих других описаний путешествий, эта лексика призвана не создать необходимый экзотический колорит, но должна, во-первых, создать единый словарь автора и его читателя для более точного и полного восприятия, во-вторых, сориентировать будущих путешественников в реалиях описываемой действительности, т. е., по большому счету, создать единый словарь читателя (потенциального путешественника) и местного населения. При этом лексика относится к бытовой сфере и имеет конкретно-предметные значения, т. е. пригодна для первичного бытового общения. Обратим внимание, что значительная часть поясняемой лексики не является чем-то абсолютно новым для русского читателя и составляет известный ему набор кавказских реалий: *пешкешь, чурек, бурдюк* и мн. др. Примеры употребления подобных слов встречаются преимущественно с начала XIX века, однако в данном случае целью автора становится добиться мак-

симальной точности восприятия текста, однозначности интерпретации при передаче научных сведений о территории.

На тот факт, что лингвистическая составляющая интерпретации слова в меньшей степени интересует авторов ЗИРГО, указывает и то обстоятельство, что некоторые лексемы получают разные толкования в разных номерах журнала в зависимости от контекста употребления. Так, например, слово *чалтык* имеет два значения: 'рис' и 'рисовое поле' (только первое зафиксировано в словаре В. И. Даля '*астрах. крым. сарчинское-пшено, рис*' [Даль, 1882. Т. IV]). В материалах ЗИРГО мы наблюдаем употребление слова как в том, так и в другом значении, причем в соответствии с контекстом употребления слово получает и интерпретацию от авторов: *Сорочинское пшено или чалтыки родится сам-тридцать пять и даже сам-сорок* (первое значение – [ЗИРГО, 1883. Кн. IV. С. 386]); *Плодородная земля сама производит здесь ягоды всякаго рода; чалтыки (поля, засыянные сарацинским пшеном) простираются вдоль берега; но испарения вод, их покрывающих, заражают воздух* (второе значение – [ЗИРГО, 1850. Кн. IV. С. 7]). Этот факт подчеркивает сугубо утилитарный характер отбора поясняемой лексики в текстах о Каспии и подобных территориях. Такого рода употребление контрастирует со складывающейся традицией толкований в литературных путешествиях: скажем, в очерках путешествия «Фрегат “Паллада”» И. А. Гончарова они встраиваются в художественную ткань произведения и становятся частью лексической композиции текста [Щеглова, 2019].

Несмотря на внешнюю лаконичность и даже скудность таких толкований, они становятся средством связи между двумя культурами. Можно заметить, что автор в заботе о читателе (или участнике будущей экспедиции) избирает различные способы толкования: прямой перевод (*пешкешь – подарок*), поиск примерного эквивалента в родной культуре (*бакчи – огороды*), толкование научного характера с установлением родовидовых отношений (*киржимы – плоскодонные лодки*), соотнесение с понятным, знакомым аналогом (*кулачи – маховые сажени*).

Отдельного внимания заслуживают случаи употребления лексики определенных тематических групп – это группы слов, связанные со сферами, вызывающими экономический или политический интерес. Например, одной из таких сфер является добыча рыбы на Каспии, тематическая группа лексики «Рыбная ловля» широко представлена в материалах ЗИРГО. Это номинации и разновидностей промысловой рыбы, и рыболовецких снастей, и видов судов, и мн. др. Автор в многообразных деталях и подробностях описывает весь ход ловли, привлекая всю возможную специализированную лексику. В этом случае можно наблюдать даже своего рода лингвистические изыскания автора, направленные на установление точной русскоязычной номинации, а при неимении таковой – как можно большего количества вариантов наименования для соблюдения все той же фактологической точности. Так, в случае с разновидностью одной из рыб, для которой нет русского наименования, автор дает варианты местного названия и дословный перевод в кавычках: *Залив изобилует рыбами разного рода...; но шамая (шаг-маги, т. е. «царская рыба») и кутум попадаются рьдко* [ЗИРГО, 1850. Кн. IV. С. 54]. Хотя первые употребления названия рыбы можно встретить уже с начала века, однако словарной фиксации слово не получило, и автор считает своим долгом установить точность номинации для читателя.

Заслуживает внимания и многообразные варианты сочетаемости прилагательного *кусовой*, служащего обозначением квалифицирующего признака деталей рыбной ловли (кусовая ловля рыбы – ловля на мелкую рыбу и куски крупной): *кусовая ловля, кусовая лодка, кусовая снасть* и др. Хотя большая часть из них известна с XVIII века, как и само прилагательное *кусовой*, однако интересен характер употребления этих сочетаний в ЗИРГО. Точность, ориентированная на детализацию эмпирического опыта путешественника, проявляет здесь себя в полной мере: *Лодки с оснасткою и такелажем стоят в Астрахани: кусовая, поднимающая груза от 700 до 2,000 пуд – до 300 руб. сер., морская, подымающая груза от 300 до 700 пуд. – до 150 руб. сер., разсыпная и култучная, поднимающая груза от 40 до 200 пуд. – до 60 руб. сер.; подчалки, поднимающая груза от 300 до 700 пуд. – до 150 руб. сер., бударки, поднимающая*

груза от 30 до 100 пуд. – от 25 до 50 руб. сер., и рѣчные лодки, поднимающія от 20 до 70 пуд. – от 15 до 30 руб. серебром [ЗИРГО, 1851. Кн. II. С. 5]. Прилагательное *кусовая*, обозначающее конкретную разновидность лодки, встает в ряд других прилагательных, выполняющих ту же функцию, – происходит научного типа классификация реалий действительности, а само сочетание *кусовая лодка* приобретает в этом контексте номенклатурный характер (образование термина при помощи сочетания существительного с прилагательным, обозначающим дифференцирующий признак).

Развернутое толкование получают наименования различных сортов нефти. Нефтедобыча – новая стратегически важная отрасль, значение которой еще только осмысливается в середине XIX века. В этом случае новые для русского читателя экзотические номинации приобретают фактически терминологический характер в силу своей безальтернативности: *Из разных колодезев нефть получается не одинакового качества; Туркмены дѣлят её на 4 сорта: 1) Пырдюм – чистая, свѣтлозеленая нефть; будучи смѣшана с водою горит весьма ясно. 2) Янги-Тюфя – качеством нѣсколько хуже первой. 3) Карагуш, или «черная нефть», – зеленовато-чернаго цвѣта, совершенно жидкая. 4) Дахил – имѣет всѣ свойства нефти, кромѣ жидкости; добывается в твѣрдом видѣ, чернаго цвѣта, и служит для освещенія; сдѣланныя из неё свѣчи горят очень ярко* [ЗИРГО, 1850. Кн. IV. С. 69]. В этом случае в отборе лексики и выборе способа толкования вновь работает принцип ориентации на практическое применение сведений: нефть – стратегический продукт региона, поэтому представление ее сортов, обладающих различными свойствами, – ценная информация для будущего его освоения (обратим внимание на преобладание гедонистических и утилитарных оценок в толковании).

2.2.2. Китай

Русско-китайские отношения насчитывают более 400 лет, на протяжении которых происходили периоды сближения и охлаждения. Выстраивание дипломатических и торговых отношений с Китаем как сопредельным государством всегда являлось одной из задач внешней политики России [Ахмадеев, Гаязов, 2017]. В первую очередь, конечно, речь идет о торговых отношениях [Тагаров, 2015], начавших активно развиваться с подписания Кяхтинского договора в 1727 г. [Кальвина, Курас, 2019] и получивших новое развитие в XIX веке после Кульджинского договора (1851), который заложил основы постоянной торговли в районе среднеазиатской границы. Особое стратегическое значение развитие торговли с Китаем получило в связи с конкуренцией с Англией, которая в 1842 г. заключила с Китаем договор, открывающий его границы для англичан. Вполне объяснимо, что в таких обстоятельствах изучение Китая как сопредельной территории, его торговых путей, особенностей культуры являлось одной из задач РГО. Результаты экспедиций получили свое отражение на страницах ЗИРГО. Примечательно, например, появление материала «О торговых путях по Китаю и подвластным им владениям» [ЗИРГО, 1850. Кн. IV], автором которого является знаменитый иеромонах Палладий Кафаров (его можно назвать одним из первых русских востоковедов). Понятно, что изучение внутренних торговых путей Китая было крайне важной стратегической задачей. Тема торговли и торговых путей обсуждается и в других публикациях о Китае в ЗИРГО.

Неудивительно, что наиболее представленной в этих материалах будет лексика, связанная с торговлей. Тема торговли становится доминантой в целом для всех текстов о Китае в ЗИРГО и имеет несколько векторов рассмотрения, представленных своими тематическими группами слов.

Первым из таких векторов можно назвать представление торговых путей. В этом отношении вновь широко представленными становятся топонимы – вехи и ориентиры для передвижения по стране и составления представления об организации торговли. Порой частота употребления топонимов может показаться чрезмерной, если не учитывать целевой утилитарной направленности материалов журнала: *Из Еркенда дорога, чрез Бадахшан, направляется*

на Хулум, оттуда на Бухару, Балх и Кабул... В Куэн-Лун известен один доступ – проход Кара-Хурум, чрез который восточный Туркистан сообщается с Тибетом и Индией [ЗИРГО, 1861. Кн. III. С. 4]. Такое нагромождение экзотических топонимов, не обладающих хотя бы какой-то семантической прозрачностью, конечно, затрудняет чтение текста, однако в данном случае забота о читателе состоит в сообщении ему как можно более точных географических сведений. Топонимы могли выступать единственным доступным кодом межнационального общения при организации последующих экспедиций, а также средством ориентации по имеющимся картам. То есть мы имеем дело с той же прагматической основой употребления, что и в уже рассмотренном примере с описанием Каспия.

Иногда экзотические топонимы в контекстах дополняются числовыми сведениями о времени пути или средствах передвижения: *От Еркенда до Тибета 40 дней ходу; а из Тибета в Кашир 12 дней* [ЗИРГО, 1861. Кн. III. С. 4]; *От Хокада до Кашигара по этому пути 18 дней караванного ходу* [ЗИРГО, 1861. Кн. III. С. 4]. Часто используются оценочные прилагательные для характеристики пути и его тягот или выгод: *Стоит также особенного замѣчанія чрезвычайно-выгодное положеніе китайских портов* [ЗИРГО, 1850. Кн. IV. С. 242]; *Тянь-Шань, относительно путей сообщения, представляет наибольшее удобных доступов* [ЗИРГО, 1861. Кн. III. С. 3]; *Теректинскій путь обилен топливом и кормами* [ЗИРГО, 1861. Кн. III. С. 4].

Следует отметить, что в случае с Китаем авторы сравнительно редко прибегают к переводам топонимов, обычно это происходит в тех случаях, когда семантика слова может дать некую подсказку путешественнику: *Главною препоною на нём есть Куньлунскій-Хребет (Кундулун по-монгольски значит «преграда»), покрытый нетающими снѣгами и простирающийся неприступной стѣной от Яркенда до Хотана* [ЗИРГО, 1850. Кн. IV. С. 256]. В этом случае толкование становится одним из средств утилитарной оценки при описании важных для будущих экспедиций деталей.

Не менее важной для материалов о Китае является тематическая группа «Денежные единицы». Авторы приводят их наименования в системе соответствий между собой и другими известными денежными единицами: *Тин (собственно Тин или Цзин, у Западных Европейцев catty) равняется 1 фунту 36 золот. 39^{21/20} долям; Лана (собственно Лян, у Запад. Европейцев tael, tale) 16-ая часть гина = 2 р. 15^{15/20} к. сер.* [ЗИРГО, 1850. Кн. IV. С. 232]. Такое перечисление денежных единиц также призвано снабдить читателя практическими сведениями для организации торговых отношений. Тому же принципу подчинены и списки товаров с их точными ценами: *Кусок атласа: пошрины – 1 чин 3 фына 8 ли. Тоже и сырцовыя ткани. Кусок бархату: – 1 ч. 1 ф. 4 ли. Кусок простой тафты: – 3 ф. 4 ли, 2 хао. Кусок цветной тафты: – 2 ф. 5 ли, 6 хао. Кусок флѣру: – 1 ф. 7 ли, 8 сы* [ЗИРГО, 1850. Кн. IV. С. 232]. Очевидно, что эти списки носят не случайный характер, а лексемы, их формирующие, являются номинациями товаров, потенциально интересных для российского рынка. Среди этих наименований сравнительно редко встречаются экзотизмы, что также указывает на тщательный отбор товаров для списка. Их номинации должны быть понятны заинтересованным лицам, их цены – давать представление о ценообразовании в Китае. Частотна при этом номенклатура, образованная по уже описанному принципу: *сырцовая ткань, простая тафта, цветная тафта* и др.

В этом отношении интересно наличие в списке экзотизма *гнѣзда салаганы: Гнѣзда саланганы (ласточкины), за гин: – 1 фунт, 3 ли, 6 хао* [ЗИРГО, 1850. Кн. IV. С. 232]. Во-первых, это словосочетание привлекает внимание наличием авторского пояснения-перевода. Во-вторых, примечателен сам характер образования экзотизма по принципу научной терминологии, описанному выше, т. е. вновь речь идет о точном наименовании предмета торговли. В-третьих, номинация попала в список, очевидно, не по принципу потенциального интереса для русской торговли, а как значимая единица торговых отношений в самом Китае. На это указывает тот факт, что на протяжении всего XIX века употребление этого сочетания немногочисленны. К тому же даже в конце века примеры демонстрируют весьма смутное представление об этом продукте в России, например: *Большинство авторов утверждает, что съѣдобныя гнѣзда*

саланганы состоят из водорослей или же из рыбьей икры; но некоторые полагают, что материалом служит особое выделение слюнных желез птицы [Русское богатство, 1885. № 1. С. 123].

С интересом к торговле связана и широкая представленность лексики тематической группы «Транспортные средства». В этом случае авторам не столь важно соблюсти точность номинаций, сколько дать общее представление о характере и возможностях многообразных транспортных средств: *Самыя общеупотребительныя для перевозов суда в Китаѣ суть хлѣбныя, на которых сплавляется казенный хлѣб... Форма хлѣбных судов, как и всѣх китайских вообще, продолговато-квадратная; нос тупой, корма высокая, на палубѣ устроены палатки из досок, замѣняющія каюты; мачт три: средняя – самая высокая, задняя – пониже, и передняя – еще ниже; паруса дѣлаются из циновок...* [ЗИРГО, 1850. Кн. IV. С. 226]. В качестве номинации разновидности лодки выступают уже знакомые типы словосочетаний: *хлебная лодка*. Далее в контексте встречаются *тѣплые, ночные* и др. Как можно заметить, классификация не проводится по единому основанию (род использования, время эксплуатации и др.), а сами определения носят, скорее, образный характер (возможно, примерный перевод китайских наименований), на что указывает использование автором кавычек при части номинаций.

Отсутствие экзотизмов обращает на себя внимание и в описаниях природных особенностей Китая. Так, в перечислении произрастающих растений мы найдем в основном известные нам номинации сельскохозяйственных культур: *Нагорье Сырт, исключая долин рѣк Абаши, Арна и Нарын неспособно к культурѣ, безлѣсно, покрыто мелкой, но густой травой. На равнинах Атабаша и Арна киргизы сѣют пшеницу, ячмень и просо* [ЗИРГО, 1861. Кн. III. С. 15]. Вновь на первый план выходит утилитарность текста: природа Китая интересует путешественников прежде всего по степени своей пригодности для сельского хозяйства.

Собственно культурно-исторический аспект в употреблении лексики представлен в этой тематической группе материалов ЗИРГО относительно слабо. Тот самый «слом культур», который Ю. М. Лотман считал смысловой основой текста путешествия [Лотман, Успенский, 1987]¹, в этом случае можно наблюдать лишь фрагментарно. Авторы весьма воздержаны в своих оценках, отбор же фактов полностью подчиняется прагматическим установкам издания. Например, весьма скудно представлена информация о культуре и быте народа. Авторские пояснения и толкования не являются средством обмена культурно-историческим опытом, а становятся вспомогательным средством сообщения информации, в том числе используются для пространственной ориентации в совокупности с топонимами: *Этот путь весьма возможен: еще в древности, один государь династии Хан намѣревался идти им против Дахов (народа обитавшего на запад от Кашира)* [ЗИРГО, 1850. Кн. IV. С. 258]. Этноним не обладает самоценностью, культурно-исторический аспект значения оказывается практически не задействованным.

2.3. Лексические особенности описания экзотических стран

Нужно отметить, что культурно-исторический аспект значения слова оказывается в полной мере задействован именно в материалах об экзотических странах. Эти тексты ЗИРГО в наибольшей степени вписаны в традицию описания путешествий, сложившуюся к середине XIX века. Однако удельный вес таких материалов низок: они немногочисленны по сравнению с двумя другими тематическими линиями журнала. В качестве примера одного из единичных текстов такого характера мы рассмотрим статью «Этнографические заметки о жителях Нижней Нубии (из писем к В. В. Григорьеву)» известного врача и путешественника А. А. Рафаловича, проводившего эпидемиологические исследования в странах Ближнего Востока и Африки

¹ Лотман Ю. М., Успенский Б. А. «Письма русского путешественника» Карамзина и их место в развитии русской культуры // Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л., 1987. С. 525–606.

(1850. Кн. IV). Этот материал в полной мере иллюстрирует лексические особенности текстов такого рода в ЗИРГО.

Несмотря на географическую удаленность, Африка уже с XIX века является традиционной зоной внешнеполитического интереса России [Абрамова, Фитуни (ред.), 2016]², что напрямую связано со становлением Англии как лидера мировой торговли и желанием составить англичанам достойную конкуренцию. Расширяются и представления российского общества об Африке, чему способствовали путешествия В. М. Головина (1808), В. П. Боткина, Е. П. Ковалевского, А. И. Бутакова и Г. К. Блока (1840-е), Е. В. Путятин (1852–1855) [Антошин, 2017]. Таким образом, можно констатировать, что Африка в середине XIX века представляется для Российской Империи как регион далекий, экзотический, плохо изученный, однако хоть и с отдаленной, но все-таки реальной перспективой развития внешнеполитических связей, что пробудило особый интерес РГО к этому материку.

На этом фоне неудивительно стремление автора к использованию всех возможностей для как можно более глубокого знакомства с незнакомой и экзотической культурой. На 56 страницах текста приходится около 40 экзотизмов, снабженных авторскими объяснениями и толкованиями, большая часть из которых развернутые (иногда даже более чем на длину одного предложения). Таким образом, культурно-исторический аспект значения слова как единицы культурного кода оказывается в зоне непосредственного интереса автора.

Производит впечатление и тематическое разнообразие лексических единиц, используемых для этнографического описания. В тексте дается системное всестороннее описание народа Барабра, в котором все необычно для адресата, да и для самого автора: одежда (*сидэйри* – ‘ситцевый жилет’ [здесь и далее значения приводятся в авторской интерпретации. – Е. Щ.], *эри* – ‘рубаша’, *такіе* – ‘бумажная ермолка’, *аббаіе* – ‘шерстяной плащ’ и др.), традиционные украшения для тела (*зулымки* – ‘большое медное и серебряное кольцо в ноздрю’, *тукытки* – ‘татуировка’, *кыдлю* – ‘кольцо для запястья’ и др.), пища (*духн* – ‘род кукурузы’, *мрисэ* – ‘особый напиток из муки духна’), устройство жилища (*гусэги* – ‘жилище Барабра’), предметы быта (*сакіе* – ‘глиняный горшок’, *ловаги* – ‘большие кувшины’, *сэбил* – ‘цистерна’ и др.), система управления (*самилги* – ‘шейхи’, *фирдэ* – ‘подушный оклад’), денежные единицы (*хамсэ* – ‘медная монета’), музыкальные инструменты (*дарабуки* – ‘глиняный барабан’) и др. Интересен сам выбор способа пояснения номинации – поиск эквивалента, подчиняющийся общему принципу «неизвестное через известное». Таким образом, традиционная одежда экзотической народности оказывается синонимична русской ермолке, а для обозначения положения должностного лица выбирается другой экзотизм, семантика которого более прозрачна для русскоязычного читателя.

Характерно, что лексические единицы одной тематической группы часто не разбросаны по тексту, а сконцентрированы в одном фрагменте текста, где происходит их последовательное пояснение. Таково, например, описание традиционного наряда: *Сверх бѣлаго и цвѣтнаго ситцевого жилета (сидэйри) без рукавов... надевают они длинную темно-голубую или синюю бумажную рубашу (эри) с широкими рукавами. Голову прикрывают бѣлою бумажною ермолкою (такіе), или таковою же из сѣрого войлока (лыбдэ)... В холодную погоду кутаются в широкій шерстяной плащ (аббаіе) без рукавов, цвѣта сѣраго, бураго или с бѣлыми и тѣмными полосами* [ЗИРГО, 1850. Кн. IV. С. 174]. Иногда пояснение одного слова превращается в целый этнографический этюд, из множества таких этюдов составляется полноценный портрет народа: *В деревнях готовят из муки духна, смѣшиваемой с горячей водою и оставляемой на брожение, особый напиток (мрисэ), который шипит как пиво, мутен, желтоватаго цвѣта, кисловатаго вкуса, и чрез приготовление разных трав получает качества хмельныя. Барабра страстно его любят... в Каирѣ есть нѣсколько заведений, в которых варят эту мрисэ исключительно для нубійцев; она разливается в сосуды из сушеных и выдолбленных*

² Абрамова И. О., Фитуни Л. Л. Африка и национальные интересы России. М.: ИАФР РАН, 2016. 150 с.

тыкв; вкус ея мнѣ всегда казался противным [ЗИРГО, 1850. Кн. IV. С. 180]. Обратим внимание на лексические средства выражения авторской оценки через передачу собственных сенсорных реакций [Редькина, 2015; Редькина, 2018], что не характерно в целом для толкований в ЗИРГО, а в этом случае демонстрирует неподдельный интерес автора к предмету описания, носящий характер обычного человеческого любопытства (что чуть позднее в полном объеме проявится, например, в очерках путешествия «Фрегат “Паллада”» И. А. Гончарова и «Очерках пером и карандашом» А. В. Вышеславцева).

В таких условиях слово как средство межкультурного взаимодействия приобретает особый коммуникативный статус: актуализируются историко-культурные коннотации экзотизма, которые приобретают самоценность. Об этом свидетельствует следующая особенность словоупотребления: при повторном вводе одних и тех же неологизмов в разных фрагментах текста А. А. Рафалович выделяет их курсивом, но не дублирует само толкование. При таком способе ввода новой лексической единицы для адресата возникает когнитивная цепочка «узнаю – запоминаю – вспоминаю». Автор демонстрирует, с одной стороны, доверие к читателю (ему должно быть в этой ситуации интересно так же, как и автору), с другой – статус слова как единицы в культурном диалоге. На особое внимание к словесному материалу указывает и наличие ударения у каждого неологизма.

3. Заключение

Подводя итоги можно сказать, что слово как средство межкультурного взаимодействия подвергается воздействию всевозможных экстралингвистических факторов, в том числе политического характера. Описание путешествия в свою очередь также всегда отвечает на запросы времени, адресата и пр. Особенно хорошо это видно на примере такого издания, как «Записки Императорского Русского географического общества», которые являлись печатным отражением деятельности самого Русского географического общества. Важно, что эта деятельность не ограничивалась интересами науки и находилась в тесной связи с государственными интересами России. При анализе материала мы учитывали направление политической деятельности, с которым было связано изучение того или иного региона. Нами было установлено, что особенности словоупотребления находятся в прямой зависимости от прагматических политических установок России, связанных с конкретной территорией. Это становится определяющим обстоятельством при формировании особенностей употребления лексики.

Для удобства анализа нами были выделены три направления деятельности РГО, получивших отражение на страницах ЗИРГО: изучение далеких экзотических территорий; освоение ближайших к границам регионов, представляющих непосредственный внешнеполитический интерес государства; познание областей собственной страны.

Следует заметить, что первое направление не является магистральной тематической линией материалов ЗИРГО. Можно обнаружить лишь отдельные тексты, посвященные экзотическим странам. При этом, в отличие от двух других направлений, эти тексты единичны, они не образуют серии материалов об изучении региона в различных аспектах. Однако именно такие тексты встроены в традицию описания путешествий, сформировавшуюся к этому времени. Своей задачей автор видит посвящение читателя в детали экзотической реальности, что ведет к актуализации культурно-исторического компонента в значении слов. Экзотизмы становятся своеобразной словесной основой текста.

Тем не менее своего рода «лицо» издания представлено материалами, относящимися к двум другим тематическим линиям. Отбор слов в случае текстов о территориях, с которыми связаны ближайшие политические интересы, подчиняется принципам практической необходимости, нуждам РГО, культурное освоение территории вторично. Основу текстов составляет лексика, служащая для ориентации будущих экспедиций: топонимы, бытовая лексика с предметно-конкретным значением, передающая реалии окружающей действительности и т. п.

Наконец, третье направление – описание собственной страны – представлено текстами, в которых во главу угла ставится освоение собственной территории, осознание границ своего государства, поиск идентичности. Важно, что описание должно строиться на сугубо научных основаниях, это не примерные сведения, передающиеся в устной коммуникации жителями различных губерний о жизни в других губерниях, но точная информация, полученная в ходе исследования того или иного аспекта жизни региона: климат, водные ресурсы, рельеф, торговые пути и пр. Доминирующим лексическим ресурсом является лексика терминологического характера, принадлежащая к той или иной области знания. Отдельный интерес представляют областные слова, становящиеся средством определения национальной идентичности.

История лексики предполагает поиск культурного кода слов определенной эпохи. Именно поэтому все в большей степени сферой исследовательского интереса становятся группы слов, ранее считающиеся периферийным явлением лексической системы [Шестакова, Кулева, 2017]. Таким образом, исследование слова как средства межкультурной коммуникации в контексте политических интересов государства соответствующего периода является актуальной задачей современной исторической лексикологии.

Список литературы

- Антошин А. В.** Россия и Африка. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2012. 47 с.
- Африка и национальные интересы России. М.: ИАФР РАН, 2016. 150 с.
- Ахмадеев Б. А., Гаязов И. Р.** Взаимоотношения России и Китая: историческое наследие и перспективы развития // Вестник Омского ун-та. Серия: Экономика. 2017. № 1 (57). С. 13–22.
- Базылева Е. А.** Издания Императорского Русского географического общества как средство коммуникации // Библиотека и читатель: диалог во времени: Мат. межрегиональной науч. конференции (24–26 сент. 2013 г., Новосибирск). Новосибирск: ГПНТБ, 2014. С. 528–534. (Труды ГПНТБ СО РАН; Вып. 7).
- Верещагин С. Г., Верещагина А. В.** Русскость как категория национального менталитета русского народа // АНИ: экономика и управление. 2021. № 4 (37). С. 24–28.
- Виноградов В. В.** Очерки по истории русского литературного языка XVIII–XIX веков. М.: Высш. шк., 1982. 250 с.
- Даль В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. СПб.; М.: Изд-во М. О. Вольфа, 1882.
- Ерохина Т. И.** Парадоксы русскости в отечественной культуре: «Русская матрица» А. Прико-тенко // Ярослав. пед. вестник. 2019. № 3 (108). С. 142–150.
- Записки Императорского Русского географического общества. 1846–1864.
- История научно-популярной прессы в России в социокультурном контексте / под ред. Л. П. Громовой, Ю. Б. Балашовой. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2021. 272 с.
- История русской лексикографии / под ред. Ф. П. Сороколетова. СПб.: Наука, 2001. 610 с.
- Кальвина Л. В., Курас Л. В.** Русско-китайская торговля через Кяхту в 1840–1900-е гг.: печальный детектив // Вестник Том. гос. ун-та. 2019. № 442. С. 122–125.
- Корольков А. А.** Русскость культуры, русскость философии // Вестник РХГА. 2010. № 3. С. 136–141.
- Лотман Ю. М., Успенский Б. А.** «Письма русского путешественника» Карамзина и их место в развитии русской культуры // Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л.: Наука, 1987. С. 525–606.
- Никонов О. А.** Юго-восточный Каспий в политической стратегии российской империи в первой половине XIX века // Преподаватель XXI век. 2009. № 4. С. 214–222.

- Павлов К. А.** Русское географическое общество: история и современность // Современные проблемы сервиса и туризма. 2010. № 1. С. 4–8.
- Редькина Т. Ю.** Речевая экспликация ситуационной модели: лингвопраксиологический подход (на материале трэвел-текста) // Медиалингвистика. 2015. № 2 (8). С. 104–116.
- Редькина Т. Ю.** Трэвел-текст в аспекте категории засвидетельствованности // Медиалингвистика. Мат. II Международной научно-практической конференции / под ред. А. А. Малышев. СПб.: Издательство СПбГУ, 2017. С. 155–157.
- Старовойтова О. А.** Особенности речевого поведения, отраженные в отэтнонимической лексике русского языка XIX века // И. И. Срезневский и русское историческое языкознание: опыт и перспективы. 205-летию со дня рождения И. И. Срезневского. Рязань: Изд-во Рязан. гос. ун-та им. С. А. Есенина, 2017. С. 88–93.
- Тагаров Ж. З.** Развитие экономических отношений России и Китая: уроки истории // *Baikal Research Journal*. 2015. № 5. URL: <http://brj-bguer.ru/reader/article.aspx?id=20384> (дата обращения: 17.01.2024).
- Шабает Ю. П., Жеребцов И. Л., Журавлев П. С.** «Русский Север»: культурные границы и культурные смыслы // Мир России. Социология. Этнология. 2012. №4. С. 134–153.
- Шабает Ю. П., Садохин А. П., Кузнецова А. Ю., Шилов Н. В.** Русский Север в исторической динамике: разрушение проекта культурной кладовой русского // Мониторинг. 2017. № 6 (142). С. 125–148.
- Шестакова Л. Л., Кулева А. С.** Иноязычные вкрапления как маркеры «чужого» в текстах поэтов серебряного века // «Свое» и «чужое» в культуре. Мат. XI Международной научной конференции / под ред. Н. Г. Урванцевой. Петрозаводск: Петрозаводский государственный университет, 2017. С. 158–160.
- Щеглова Е. А.** Лексическое своеобразие художественного произведения: к вопросу о методике анализа (на примере очерков путешествия И. А. Гончарова «Фрегат “Паллада”») // Вестник Том. гос. ун-та. 2019. № 442. С. 61–68.
- Щеглова Е. А.** Репрезентация «своего» и «чужого» в путевых очерках второй половины XIX века: лексико-семантический аспект // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Филология. Журналистика. 2018. № 3. С. 191–194.
- Malyshev A. A.** The speech representation of the Samoyeds in the first Russian popular scientific article About the Samoyeds (1732) // *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 2021. No. 2 (32). P. 49–57.

References

- Abramova I. O., Fituni L. L. (ed.)** Africa and National Interests of Russia. Moscow, IFRS RAS, 2016, 150 p. (in Russ.)
- Akhmadeev B. A., Gayazov I. R.** Relations between Russia and China: historical heritage and prospects of development. *Bulletin of Omsk University. “Economics” series*, 2017, no. 1 (57), pp. 13–22. (in Russ.)
- Antoshin A. V.** Russia and Africa. Yekaterinburg, Ural University Publishing House, 2012, 47 p. (in Russ.)
- Bazyleva E. A.** Publications of the Imperial Russian Geographic Society as a communication mean. *Proceedings of the Russian National Public Library for Science and Technology; Issue 7. Library and reader: dialogue in time: materials of the interregional scientific conference (September 24–26, 2013, Novosibirsk)*. Novosibirsk, Russian National Public Library for Science and Technology, 2014, pp. 528–534. (in Russ.)
- Dal V. I.** Explanatory dictionary of the living Great Russian language. In 4 volumes. St. Petersburg, Moscow, Publishing house by M. O. Wolf, 1882. (in Russ.)

- Erokhina T. I.** Russianness paradoxes in national culture: A. Prikotenko's "Russian matrix". *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 2019, no. 3 (108), pp. 142–150.
- Notes of the Imperial Russian Geographical Society. 1846–1864. (in Russ.)
- Gromova L. P., Balashova Yu. (ed.)** B. The history of the popular science press in Russia in a socio-cultural context. St. Petersburg, St. Petersburg State University, 2021, 272 p. (in Russ.)
- Calvina L. V., Kuras L. V.** Russian-Chinese trade through Kyakhta in the 1840s-1900s: a sad detective story. *Bulletin of Tomsk State University*, 2019, no. 442, pp. 122–125. (in Russ.)
- Korolkov A. A.** Russcost of culture, Russcost of philosophy. *Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy*, 2010, no. 3, pp. 136–141. (in Russ.)
- Lotman Yu. M., Uspensky B. A.** "Letters of the Russian traveler" by Karamzin and their place in the development of Russian culture. In *Karamzin N. M. Letters of the Russian traveler*. Leningrad, Nauka publ., 1987, pp. 525–606. (in Russ.)
- Malyshev A. A.** The speech representation of the Samoyeds in the first Russian popular scientific article About the Samoyeds (1732). *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*, 2021, no. 2 (32), pp. 49–57.
- Nikonov O. A.** Southeast Caspian in the political strategy of the Russian Empire in the first half of the 19th century. *Teacher of the 21st century*, 2009, no. 4, pp. 214–222. (in Russ.)
- Redkina T. Yu.** Speech explication of a situation model: linguistic praxeology approach (based on travelogue). *Media linguistics*, 2015, no. 2 (8), pp. 104–116. (in Russ.)
- Redkina T. Yu.** Travel-text under the evidentiality aspect. In *Media linguistics. Materials of the II International Scientific and Practical Conference*, St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State University, 2017, pp. 155–157. (in Russ.)
- Shabaev Yu. P., Sadokhin A. P., Kuznetsova A. Yu., Shilov N. V.** The Russian North in historical dynamics: the failure of the project of the Russian cultural 'pantry'. *Monitoring*, 2017, no. 6 (142), pp. 125–148. (in Russ.)
- Shabaev Yu. P., Zherebtsov I. L., Zhuravlev P. S.** "Russian North": cultural borders and cultural meanings. *World of Russia. Sociology. Ethnology*, 2012, no. 4, pp. 134–153. (in Russ.)
- Shcheglova E. A.** The Lexical Originality of a Literary Work: On the Technique of Analysis (A Case Study of Ivan Goncharov's Book of Travel Essays The Frigate "Pallada"). *Bulletin of Tomsk State University*, 2019, no. 442, pp. 61–68. (in Russ.)
- Shcheglova E. A.** Representation of "own" and "alien" in travel essays of the second half of the 19th century: lexico-semantic aspect. *Bulletin of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism*, 2018, no. 3, pp. 191–194. (in Russ.)
- Shestakova L. L., Kuleva A. S.** Other foreign languages as markers of "alien" in the texts of the poets of the silver age. In *"Own" and "alien" in culture. Materials of the XI International Scientific Conference*. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University, 2017, pp. 158–160. (in Russ.)
- Sorokoletov F. P.** History of Russian lexicography. St. Petersburg: Science, 2001. 610 p. (in Russ.)
- Starovoitova O. A.** Features of speech behavior reflected in the ethnonymic vocabulary of the Russian language in the 19th century. In *I.I. Sreznevsky and Russian historical linguistics: experience and prospects. 205th anniversary of the birth of I.I. Sreznevsky*. Ryazan, Publishing House of Ryazan State University named after S. A. Yesenin, 2017, pp. 88–93. (in Russ.)
- Tagarov Zh. Z.** Development of economic relations between Russia and China: lessons of history. *Baikal Research Journal*, 2015, no. 5. URL: <http://brj-bgupep.ru/reader/article.aspx?id=20384> (available 17.01.2024). (in Russ.)
- Vereshchagin S. G., Vereshchagina A. V.** Russianness as a category of the national mentality of the Russian people. *Azimuth of scientific research: economics and management*, 2021, no. 4 (37), pp. 24–28. (in Russ.)
- Vinogradov V. V.** Essays on the history of the Russian literary language of the 18th-19th centuries. Moscow, Higher School, 1982, 250 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Щеглова Екатерина Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры медиа-лингвистики Санкт-Петербургского государственного университета

Information about the Author

Ekaterina A. Shcheglova, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of the Media Linguistics, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

*Статья поступила в редакцию 21.01.2024;
одобрена после рецензирования 06.05.2024; принята к публикации 10.05.2024*

*The article was submitted 21.01.2024;
approved after reviewing 06.05.2024; accepted for publication 10.05.2024*